

Пики елей щетинились, подступали к самому берегу. Монахово озеро раскинулось почти в чаще, дороги к нему нет — только еле видная тропинка пробирается сквозь крапиву. Песчаный пляж узкий, вода ледяная. Но когда настроение поганое, не придумаешь лучше места, чтобы успокоить нервы.

Нинка, пока шла, вся бурлила от злости. А увидела безмятежную гладь воды — и сразу отпускать начало.

Да еще и народу совсем никого: день будний, обычным людям отдыхать некогда. А у нее законные основания — отпуск декретный.

Нина скинула платье. Потянулась сладко. Неторопливо светлые волосы в косу собрала. Пощекотала себе соски. Отставила ногу. Долго разглядывала то ли прыщ, то ли пятнышко на бедре. Потом устроилась на песочке, лицо солнцу подставила.

Хорошо, когда весь пляж тебе принадлежит!

И вдруг — как сглазила — из леса выходит мужик. Как только подкрался — ни одна веточка не хрустнула, и птицы не встревожились. Нинка смутилась, перепугалась. Схватила платье, в рукава не попадает. Дядька — немолодой уже, волосы

седые — на нее вылупился. Одет как грибник, но корзинки в руках нету. Да и какие сейчас грибы — только сыроежки редкие.

Нинка прикрылась платьем, выкрикнула грозно:
— Пошел отсюда вон!

А он, наоборот, — к ней все ближе. Подходит, улыбается нехорошо. И вдруг со всей силы по щеке ударил.

Охнула, отлетела на песок.

А у мужика в руке нож. Будто сам собой появился. Размахнулся, полоснул по горлу. Не сильно, но фонтанчик маленький брызнул. Собрала последние силы, закричала отчаянно.

Надеялась: услышат, придут на помощь.

Страшный дядька тоже отстранился, вскочил.

Нинка встать не могла, голова кружилась. Но ползла почти в бессознательном состоянии прочь с пляжа. Крика уже не выходило — только шепот. «Помоги! Помоги!»

Ее накрыла тишина, даже птицы умолкли.

«Неужели ушел?!» — металось отчаянное в голове.

Доползла до камышей, попробовала встать.

И тут ее настиг новый удар.

* * *

Гаврила давно думал, как наладить эффективный и безопасный сбыт. Это в их деле самое сложное.

Крупные магазины действовали через даркнет. Кастинги проводили, поступивших быстренько

обучали, как сделать грамотный прикол и куда лучше магниты цеплять. Прошедших отбор активно мотивировали, чтобы крутились максимально. За изобретательность — денежные премии. Если больше двух тысяч кладов в месяц, вообще машину обещали.

Но Гаврила считал: когда большой охват, риск возрастает многократно. И норма в семьдесят «точек» в день теоретически выполняема, но на качестве работы скажется отрицательно. Каждый раз ведь надо и смекалку проявить, и оглядеться, и внешним видом своим подозрений не вызывать.

Лично он через Интернет исполнителей вообще не искал. Агентов безопасней набирать лично. В глаза посмотреть, прокачать сразу на жадность, глупость. Паспорта «пробить». И лишь потом выпустить на дело.

Идеальным кладменом в их деле считаются подростки, однако Гаврила с малолетками дела вести не любил. Ненадежный народ, безответственный. Выпить любят «для храбрости», а на пьяную голову подставиться легче легкого. Он предпочитал: пусть меньше, да лучше. И чтоб исполнитель совсем никаких подозрений не вызывал. Поэтому сеть свою сплел из сотрудников совсем нетипичных. И очень своим ноу-хау гордился.

Единственная сложность — вечные перепады настроения и капризы. Но к этому он привык. Что подделаешь: специфика особенного женского коллектива.

* * *

Надюшка редко Диму о чем-то просила.

Но если чего захотела — попробуй не исполни.

Зима в этом году выдалась тусклая, мрачная. Вместо снега — ледяной дождь, солнца нет. Вот Митрофанова и начала еще в ноябре мечтать про «настоящее новогоднее чудо».

То бишь на балет «Щелкунчик» сходить. Нет бы в демократичные «Стасик» или в Кремлевский дворец — именно в Главный театр. Еще и в праздничный вечер тридцать первого декабря.

Официальные дни продаж Дима прощелкал. Да и не настолько был готов исполнять капризы любимой, чтоб почти сутки в очереди толкаться, на переключки приходиться. Вариант через спекулянтов — с переплатой в тысячу процентов — тоже сразу отменил. Многочисленные нужные знакомые охотно предлагали «Ленком», Театр наций и даже «Спартак» в Большом, но в ответ на просьбу о новом «Щелкунчике» только разводили руками. А Митрофанова (капризная она стала в последнее время) грустно зудела; вот опять праздничная ночь будет такая, как в прошлом году и позапрошлом. Она даже новый вариант оливье не станет придумывать — приготовит самый простецкий, с вареной курицей.

Диме очень хотелось, чтобы в глазах у подруги зажглись счастливые искры, поэтому охотиться продолжал. Сайт Главного театра теперь всегда

открытым держал — в фоновом режиме. Несколько раз в час заглядывал — и иногда шальные лишние билеты там показывались. Но мигом улетали — даже в корзину положить не успевал.

Сегодня сидел в редакции, в своем кабинете. Кропал очередной шедевр, как добрые люди лося спасали — бестолковый вышел на тонкий лед водохранилища и провалился под воду. Текст шел трудно, со скрипом (надоела уже до смерти беззубая журналистика). То и дело отвлекался, открывал театральный сайт — не зажжется ли вместо унылого «билетов нет» заветная синяя плашечка с надписью «Выбрать места»?

В пять вечера удалось выловить два кресла на третьем ярусе. Но едва схватил паспорт вбивать данные (билеты строго именные) — в корзине уже пусто. Спекулянты перехватили.

Ладно. Сам виноват. Надо было предусмотреть.

Выписал номер своего и Надькиного документа на отдельный листок, положил рядом с компьютером. Продолжил живописать, как сохатого и едой приманивали, и ремнями тянули. Параллельно думал над заголовком (в голове пока что вертелась абсолютно идиотская фраза: «Милый лось, топиться брось»). Даже воевать с сайтом Главного театра и то казалось интереснее.

В шесть вечера экран снова радостно подмигнул: билеты в продаже! Яростно кликнул на «купить» — и вдруг из коридора вопль:

— Дмитрий!

Голос отчаянный, женский. Топот ног, возня. Мужской неразборчивый бубнеж.

В любой иной ситуации мигом бы выскочил посмотреть, в чем дело. Но сейчас не шелохнулся. Вбил данные паспортов, нажал «оплатить». Ура — открылась платежная страница. Значит, билеты по-прежнему в корзине. Руки подрагивали — это надо настолько разволноваться из-за театра!

Ввел данные карты, выдохнул — заказ оплачен. Партер, седьмой ряд, середина. А в коридоре по-прежнему суета. Женский голос молит, мужик в ответ отвечает агрессивно. Прежде чем выглянуть, Дима убедился: билеты реально у него, пришли на электронную почту.

Лишь тогда он открыл дверь. Батюшки! Охранник (бестолковый бугай, что вход в редакцию охраняет) по коридору женщину волочет. Та упирается, пытается пнуть, укусить. Зрителей никого — в предпраздничный день сотрудники на работе не задерживаются.

Женщина углядела его, узнала, воспрянула:

— Дмитрий! Спасите меня!

— В чем дело? — кинулся он к охраннику.

— Да охренела совсем! — пропыхтел тот. — К тебе рвалась, я не пустил. Так она под турникетом пролезла. Сейчас ее в полицию сдам!

— Чего мне-то не позвонил? — нахмурился Дима.

— Так набирал сто раз! И я, и она!

Только сейчас Полуянов вспомнил: сам и выдернул служебный аппарат из розетки, чтоб не мешали

работать над текстом. А главное, охотиться на билеты.

— Отпусти ее, — велел охраннику.

Некрасиво получилось. Женщина в возрасте, на вид не сумасшедшая. И глаза заплаканы.

— Приношу свои извинения, — произнес он виновато. На ретивого служителя цыкнул: — Сгинь!

— Мне ее паспортные данные нужны!

— Скажу тебе потом.

Провел посетительницу в кабинет. Быстренько закрыл сайт театра (билетами там уже и не пахло). Предложил:

— Чаю? Кофе?

— Ничего мне не надо, — всхлипнула женщина и сложила руки в умоляющем жесте, — я за шестьсот километров к вам приехала. Горе у меня. Помочь некому. Вы — последняя надежда.

* * *

Соседи ее сына с детства прикладывали: шизанутый. Вел себя мальчик, и правда, не как другие дети. Обычные-то озоровали, яблоки тырили по соседским дворам. А Паша лет с пяти всюду таскался с фотоаппаратом. Тогда у них еще старенькая «мыльница» была, и к любым праздникам сынок просил лишь одно: купить ему побольше фотопленки. Поначалу в кадр попадало стандартное: закаты, интерьеры, коты, собаки. Случайные прохожие, детишки из их поселка. Она сама. Но

шелкать все подряд очень скоро перестал. Тратил по много кадров, чтоб передать одиночество израренного кленового листка на осеннем ветру. Или печаль в глазах у соседки — старухи, что пережила войну и сейчас тяжело болела.

Елену Юрьевну настораживало: почему сына тянет к *грустному*? Мальчик и сказки не любил — предпочитал страшилки о мертвецах или ведьмах. На детских праздниках никогда в общей толпе не веселился, забивался в уголок, сидел в одиночестве.

Она даже к психиатру в райцентр ребенка таскала, но врач (меланхоличный пожилой дядька) принял сторону Павла. Сказал назидательно:

— С головой у него все в порядке. А по поводу творческих предпочтений я так скажу: счастье — оно всегда одинаковое и глупое. Зато в горе — много неожиданных, ярких граней. Так что пусть фотографирует, что хочет, не подрезайте ребенку крылья.

Мальчик рос, продолжал увлекаться фотографией, и оптимизма в его работах не прибавлялось. То на кладбище с фотоаппаратом болтается, то на руинах соседского сгоревшего дома. Снимает в деталях покосившийся могильный крест или почернелую балку.

Елена Юрьевна пыталась сына переубедить:

— Кому твоя тоска нужна? Фотограф людей радовать должен!

Но Паша только отмахивался:

— А я на свадьбах снимать не хочу.

Поступил в институт (самый простой — только чтобы в армию не забрали) и продолжал все свободное время тратить на поиски трагических ракурсов.

Мрачные его снимки, вопреки прогнозам мамы, имели определенный успех. В социальных сетях — изрядно подписчиков, цикл «После аварии» премию получил. И клиенты появились. Паша оборудовал в доме студию, и туда частенько являлись ярко накрашенные девицы. Для них он делал красивые студийные снимки. Но фотографировать за деньги ему не слишком нравилось. Куда более счастливым выглядел, когда приводил в дом моделей, несомненно, бесплатных — жутких бомжих. Одноногую цыганку. Бедно одетую толстуху, всю в пятнах вителиго.

Елена Юрьевна асоциальных гостей не выгоняла, но всегда была начеку: чтоб из студии ни ногой и ничего стырить не попробовали. Как сын из дома — обязательно в фотографической комнате тщательная уборка с хлоркой.

В начале лета Пашка привел в дом совсем девчонку. Тощая, как олененок, глаза голодные. Да еще беременная.

Елена Юрьевна с неприятными моделями сына старалась не общаться, но тут не удержалась. Когда столкнулись во дворе, спросила строго:

- Сколько лет тебе?
- Семнадцать! — пропищала та.
- А беременна от кого?

— Та не знаю, — отозвалась беспечно. — Я с двоими встречалась. Только оба сбежали все равно!

Звали юную гуляку, как ее саму — Леной. И в отличие от разовых гостей она в их дом зачестила. Пашка (мать подглядывала) в каком только виде ее не снимал! В алом покрывале. С руками связанными. Или вовсе голую.

— Ты, что ли, влюблен? — пыталась мать.

Сын усмехался:

— С ума сошла? Ленка просто очень фотогенична.

Елена Юрьевна стала по своим каналам справки наводить и выяснила: девчонка из соседнего поселка, Грушевки. Семья неблагополучная: отец в тюрьме, мать пьет. Но больше всего беспокоило: обычно-то модели единственный раз в их доме появлялись, а потом исчезали навсегда. А Ленка чуть ни каждый день захаживала. Да еще, нахалка эдакая, пыталась в их жизни участвовать. То сорняки возьмется пропалывать, то Пашку уговорила вешалку в коридоре переставить.

— Не от тебя ли она беременная? — спросила однажды Елена Юрьевна.

Сын поперхнулся:

— Матушка! Не путайте, пожалуйста, сексуальную привлекательность и творческий интерес.

Елена Юрьевна, и правда, сколько ни присматривалась, никогда не замечала, чтоб ворковал с юной гостьей или хотя бы обнял. На ночь девица в их доме тоже не оставалась. Приезжала всегда днем (когда лучше свет). И домой (даже если закан-

чивали съемки в сумерках) Паша сроду ее не провожал — Ленка топала в свою Грушевку одна через лесок в любую погоду.

Однажды (мать подслушала) юница взялась ее сыночка жизни учить. Слова говорила, в принципе, правильные. С его талантом, мол, огромную деньгу можно зашибать, а он, дурак, на глупости время тратит. Если она сама подобные разговоры заводила, Пашка сходу обрывал. Но Ленке взялся объяснять, да как по-глупому! Миссионер он, вот как. Ты, мол, своей красоты не видишь, а я ее всем показать пытаюсь.

Ясное дело, девица в его словах совсем другое услышала, и Пашу с удвоенной энергией обхаживать начала. Юбки еще короче, взгляды все более соблазнительные. Пирожков самолепных кривобокых притащила (Елена Юрьевна их собаке отдала).

— Не покупайся! — убеждала она сына.

Пашка заверял:

— Не бойсь. Я просто ее наблюдаю. Как забавную зверушку.

Соседи, впрочем, другое видели. Маркеловна из дома напротив даже предрекла:

— Смотри: будешь дите чужое, нагулянное растить.

Но до счастливой (да и вообще никакой) семейной жизни дело не дошло.

Солнечным осенним вечером двадцать третьего сентября Ленка тщетно попыталась набиться на ужин, однако Паша отправил ее домой.